

СОЦИНІАНСТВО

ВЪ ПОЛЬШѢ И ЮГОЗАПАДНОЙ РУСИ. *)

(Окончаніе).

Х.

Какъ рано появилось соцініанство на Украинѣ, объ этомъ не имѣется опредѣленныхъ свѣдѣній. Имѣя въ виду постоянныя близкія связи между Волинію и Кіевомъ, можно думать, что украинское соцініанство возникло одновременно съ волинскимъ. Въ одномъ полемическомъ сочиненіи, изданномъ въ Краковѣ въ 1597 г., авторъ, іезуитъ Жебровскій, говоритъ, между прочимъ, что „излишне охранять границы государства со стороны турокъ, когда новокрепленцы, эти внутренніе турки, осѣли Подгорье и Волинь и уже *досиаютъ самого Кіева* ¹⁾. Припомнимъ, что въ эти годы должность каптеляна кіевского занималъ извѣстный уже намъ соцініанинъ Иванъ Чапличъ-Шпановскій. Раньше всего соцініанство возникло и утвердилось въ той части Украины, которая лежала въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Волинію, именно въ житомирскомъ повѣтѣ. Здѣсь въ концѣ XVI и началѣ XVII в., въ числѣ послѣдователей новой секты, мы встрѣчаемъ дворянина Петра Ивановича *Переспякаго*, имѣвшаго въ Житомирѣ домъ и фольварокъ и державшаго въ заставѣ имѣніе подскарбія литовскаго Остафія Тышкевича, с. Янковцы ²⁾. Находясь въ преклонныхъ лѣтахъ, Переспяц-

*) См. апрѣльскую и майскую книжку «Кіевской Старины» на 1882 г.

¹⁾ *Obraz bibliograficzno-historyczny literatury i nauk w Polsce*, przez Adama Iochera, t. II, p. 133.

²⁾ Жытом. уѣзда, при рч. Кодынкѣ.

кій въ 1611 г. внесъ въ городскія житомирскія книги духовное завѣщаніе, составленное имъ въ духѣ социніанскаго исповѣданія. Въ немъ онъ завѣщалъ своему сыну Андрею похоронить его, но социніанскому обыкновенію, „у садку на фольварку“ и внести отъ его имени „до збору (т. е. социніанской общины) *черняховского* на убозство и потребности зборовые грошей кошъ литовскихъ 30, а на зборъ любелскій зособна кошъ литовскихъ 30“¹⁾. Отсюда мы узнаемъ, что уже въ 1611-мъ году въ м. *Черняховъ* (житом. уѣзда) существовала правильно организованная социніанская община, имѣвшая попеченіе о бѣдныхъ единовѣрцахъ и получавшая на это, а равно и на другія церковныя нужды, матеріальныя пожертвованія со стороны болѣе состоятельныхъ своихъ членовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эта община имѣла свой молитвенный домъ и содержала при немъ пастора. Скоро послѣ того м. *Черняховъ* становится такимъ же виднымъ центромъ социніанства на Украинѣ, какимъ былъ *Киселинъ* на Волыни, а его владѣльцы — паны *Немиричи* являются столь же ревностными покровителями секты, какъ и волынскіе *Чапличи*. *Немиричи* были потомки древней южнорусской фамиліи, владѣвшей громадными имѣніями въ кievскомъ и волынскомъ воеводствахъ; многіе изъ нихъ извѣстны какъ ревностные защитники православія и члены-основатели церковныхъ братствъ. Первымъ послѣдователемъ и покровителемъ социніанства изъ фамиліи *Немиричей* является *Стефанъ Андреевичъ Немиричъ*, подкоморій кievскій и староста овручкій, жившій въ первой четверти XVII столѣтія. Онъ состоялъ въ родственныхъ связяхъ почти исключительно съ социніанскими фамиліями: его жена *Марта Войнаровская* происходила изъ рода украинскихъ дворянъ *Войнаровскихъ*, послѣдователей социніанской секты; одна изъ его дочерей *Катерина* была замужемъ за извѣстнымъ уже намъ *Павломъ-Крыштофомъ Сенютою-Ляховецкимъ*, а другая *Елена* — за *Николаемъ Любенецкимъ*, членомъ весьма извѣстной социніанской фамиліи въ люблинскомъ воеводствѣ. Въ политической исторіи Малороссіи *Стефанъ Немиричъ* извѣстенъ по своему участию въ комисіи, назначенной польскимъ правительствомъ въ 1625 г. для устройства козаковъ, послѣ пора-

¹⁾ Книга городская житомирская 1611 г., № 12, л. 205.

женія ихъ подъ Куруковымъ. Вѣроятно ему была обязана своимъ основаніемъ соцініанская община въ Черняховѣ.

У Стефана Немирича было три сына: Юрій, Владиславъ и Стефанъ, съ дѣтства воспитанные въ соцініанскихъ вѣрованіяхъ и подобно отцу много сдѣлавшіе для пользы секты. Изъ нихъ старшій, Юрій, впоследствии приобрѣлъ громкую извѣстность по тому участию, какое онъ принималъ въ политическихъ дѣлахъ Малороссіи при Хмельницкомъ и его пресмникѣ. Въ молодости Юрій Немиричъ, какъ кажется, учился въ раковской соцініанской академіи, гдѣ сдружился съ внукомъ Фавста Социна Андреемъ *Вишоватымъ*, впоследствии знаменитымъ дѣятелемъ и писателемъ соцініанскимъ. Въ 1631 г. Юрій Немиричъ, въ сопровожденіи своего друга Витоватаго, а также Александра Чаплича, Николая Любенецкаго, Петра Суходольскаго и другихъ товарищей-единовѣрцевъ, предпринялъ путешествіе за границу для довершенія образованія. Черезъ Данцигъ молодые люди пустились въ Голландію, посѣтили университеты въ Лейденѣ и въ Амстердамѣ и встрѣтились здѣсь съ польскимъ соцініаниномъ Христофоромъ Арцишевскимъ, который чуть было не уговорилъ ихъ отправиться въ Америку, чтобы тамъ основать соцініанскую колонію. Арцишевскій такъ и поступилъ на самомъ дѣлѣ, а наши путешественники отправились въ Англію, отсюда во Францію, гдѣ въ Парижѣ посѣщали Сорбону и слушали знаменитаго Гуго Гроція ¹⁾. Возвратившись на родину, Юрій Немиричъ заявилъ себя ревностнымъ покровителемъ соцініанства и немало способствовалъ распространенію его на Украинѣ. Соцініанскіе писатели не пахотятъ словъ, чтобы достойно восхвалить его заслуги въ отношеніи ихъ секты. Одаренный отъ природы живымъ, энергическимъ характеромъ, владѣя природнымъ умомъ и блестящимъ образованіемъ, къ тому же опираясь на свое положеніе богатаго пана и на свои обширныя связи въ сенатѣ и при дворѣ, Немиричъ явилъ собою образъ могущественнаго патрона соцініанской секты, въ родѣ тѣхъ, какимъ былъ когда-то Янъ Кишка для литовскихъ соцініанъ, а Юрій Чапличъ для волынскихъ. Онъ сразу же занялъ видное положеніе въ средѣ украинскихъ дворянъ и на

¹⁾ Biblioth. Antitrinitariorum, p. 231—233.

него неоднократно были возлагаемы разнаго рода общественныя и политическія порученія, при исполненіи которых Немиричь не забывалъ и интересовъ секты. Такъ въ 1637 г. онъ былъ выбранъ депутатомъ отъ воеводства кіевскаго въ люблинскій трибуналъ и, благодаря его стараніямъ, въ это время устроенъ былъ въ Люблинѣ публичный диспутъ между соціанскими учеными, изгнанными отсюда еще въ 1627 году, и іезуитами. Въ слѣдующемъ 1638 году случилась извѣстная раковская катастрофа. Немиричь, бывшій въ то время депутатомъ на варшавскомъ сеймѣ, при помощи своего друга Андрея Вишоватаго и другихъ единовѣрцевъ, употребилъ все усилія, чтобы предотвратить ударъ, постигшій тогда раковскую общину, и когда его старанія оказались безуспѣшными, онъ громко протестовалъ противъ нарушенія сеймомъ основныхъ государственныхъ законовъ, обезпечивающихъ свободу религіозныхъ убѣжденій каждаго, и свой протестъ внесъ въ судебныя книги ¹⁾. Послѣ того онъ съ особенною энергіею занялся устройствомъ дѣлъ секты на Украинѣ, и въ то время, когда Чалличы и другіе соціанскіе вожди думали вознаградить на Волыни то, что секта потеряла въ Раковѣ, Немиричь тоже самое задумалъ на Украинѣ. Оставшійся послѣ смерти отца опекуномъ младшихъ братьевъ, онъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ управленіе всеми многочисленными имѣніями своего рода и имѣлъ возможность въ самыхъ широкихъ размѣрахъ оказывать помощь и покровительство своимъ единовѣрцамъ. Независимо отъ существовавшей уже въ его родовомъ центрѣ, м. Черняховѣ, соціанской общины, онъ основалъ нѣсколько такихъ же общинъ и въ другихъ своихъ имѣніяхъ на Украинѣ. Послѣ раковскаго разгрома, Немиричь пріютилъ у себя изгнанныхъ оттуда соціанскихъ пасторовъ и ученыхъ и въ числѣ ихъ—трехъ братьевъ Статоріусовъ или *Стоинскихъ*, изъ коихъ старшій Янъ впоследствии состоялъ пасторомъ въ м. Ляховцахъ у Петра Сешюты и, какъ мы упоминали, былъ приговоренъ трибуналомъ къ лишенію дворянства и ифаміи. Другой Стоинскій, Крыштофъ, съ этого времени надолго остался на службѣ у Немирича и былъ его правой рукою въ устройствѣ дѣлъ секты. За его вѣрную службу Немиричь по-

¹⁾ Biblioth. Antitrinitariorum, p. 278.

дарилъ ему одно изъ своихъ имѣній—с. Мишійки (нынѣ деревня радомысльск. уѣзда).¹⁾

Были у Немирича и другіе сотрудники въ дѣлѣ распропаганды соцініанства на Украинѣ и организаціи здѣсь сектантскихъ общинъ. Ближайшимъ изъ нихъ былъ его родственникъ Стефанъ *Войнаровскій*, ловчій воеводства кievскаго, въ имѣніи котораго *М. Шеринякъ* (радомысльск. уѣзда), принадлежавшемъ раньше Стефану Немиричу и имъ же населенномъ, существовала соцініанская община, быть можетъ, основанная еще при прежнемъ владѣльцѣ. Въ то же время проживалъ на Украинѣ человекъ, весьма знаменитый въ исторіи соцініанской секты, посвятившій всѣ силы свои и способности на служеніе ея интересамъ и окончившій жизнь въ изгнаніи: то былъ нѣкто Самуиль *Припковскій*. Судя по его дѣятельному участию въ сеймиковыхъ дѣлахъ кievскаго воеводства, необходимо заключить, что онъ принадлежалъ къ числу дворянъ-обывателей этого воеводства и имѣлъ здѣсь земельную собственность²⁾. Самуиль Припковскій былъ весьма ученый человекъ и плодовитѣйшій писатель, оставившій послѣ себя болѣе 50 сочиненій, въ числѣ коихъ встрѣчаются: богословскіе и историческіе трактаты, полемическія статьи, апологіи, біографіи, панегирики, эпитафіи, гимны, элегіи, стихотворныя перифразы и проч.³⁾ При всемъ разнообразіи формы, сочиненія Припковскаго представляютъ единство въ томъ отношеніи, что всѣ они имѣютъ предметомъ разъясненіе или защиту соцініанской секты и ея ученія. Литературная дѣятельность Припковскаго начинается еще съ 1628 г.; въ этомъ году онъ издалъ въ Голландіи, подъ псевдонимомъ Ириней Филалета, свое сочиненіе „De pace et concordia ecclesiae“, вторично напечатанное

¹⁾ Книга гродская житомирская 1646 г., № 17, л. 226.

²⁾ Имя Самуила Припковскаго встрѣчается въ числѣ дворянъ воеводства кievскаго, подписавшихъ въ 1645 г. протестъ противъ постановленій провинціального сейма, бывшаго въ томъ же году въ Житомирѣ. Архивъ югозап. Россіи, часть 2, т. I, стр. 279. Нѣсколько раньше, именно въ 1643 г. мы встрѣчаемъ Припковскаго даже въ роли маршалка или предсѣдателя житомирскаго сеймика. Книга гр. житомирская 1643 г., № 16, л. 9.

³⁾ Полный перечень сочиненій Припковскаго см. у Саяда, въ *Biblioth. Antitrinitariorum*, p. 123—126.

въ 1630 г. и скоро послѣ того переведенное на нѣмецкій языкъ. Изъ другихъ сочиненій Припковскаго, написанныхъ имъ, быть можетъ, въ періодъ пребыванія его на Украинѣ, отмѣтимъ слѣдующія: панегирикъ въ честь короля Владислава IV, въ 1633 г.; біографію Фавста Социна, въ 1636 г.; краткое изслѣдованіе о вѣрѣ; „братскую декларацію“, обращенную къ польскимъ диссидентамъ, изданную въ 1646 г.; сочиненіе о вредѣ монашества; гимнъ на слова символа апостольскаго, и др. Кромѣ Припковскаго, не чуждъ былъ литературнымъ занятіямъ и самъ могущественный патронъ украинскихъ социніанъ, Юрій Немирнчъ: ему приписываютъ сочиненіе, заглавіе котораго социніанскій бібліографъ Сандъ передаетъ по латыни: „Periphrasis et paraphrasis Panopliae christianorum“, а также *молитвы* и *имны*, составленные имъ конечно для мѣстныхъ социніанскихъ общинъ и изданные впоследствии въ 1653 году, и другія ¹⁾. Эти факты какъ-бы указываютъ на зарождавшееся въ то время литературное движеніе среди украинскихъ социніанъ, параллельное такому же движенію, возникшему нѣсколько раньше на Волыни.

Въ сороковыхъ годахъ XVII ст. социніанство въ кievской Украинѣ достигло высшаго своего процвѣтанія. Среди здѣшняго дворянства было такъ много послѣдователей секты, что они иногда одни наполняли собою мѣстные провинціальныя сеймы и представляли здѣсь преобладающую партію. О распространеніи социніанскаго ученія въ средѣ другихъ сословій на Украинѣ нельзя сказать ничего опредѣленнаго по недостаточности данныхъ, но можно полагать, что въ числѣ послѣдователей секты были и мѣщане болѣе значительныхъ городовъ и мѣстечекъ: Житомира, Овруча, Черняхова, Шершней и др. О Кіевѣ въ этомъ отношеніи ничего не извѣстно, кромѣ лишь того, что учителямъ и преподавателямъ кievомогилянской коллегіи въ первые годы ея существованія неоднократно приходилось защищаться отъ подозрѣній не столько въ латинствѣ или униі, сколько въ кальвинизмѣ и *аріанствѣ*, а однажды, по словамъ тогдашняго префекта коллегіи Сильвестра Коссова, рас-

¹⁾ Bibliotheca Antitrinitariorum, p. 145. Ниже мы будемъ имѣть поводъ назвать и остальныя сочиненія Немирнча.

пущенная кѣмъ-то клевета въ этомъ смыслѣ возбудила столь грозное движеніе среди кievскихъ мѣщанъ и козаковъ, что члены ученой коллегіи, „исповѣдавшись, только и ждали, что вотъ начнутъ ими начинать желудки дѣпровскихъ осетровъ, или одного огнемъ, другаго мечемъ отправятъ на тотъ свѣтъ“¹⁾). Социніанство было настолько замѣтнымъ явленіемъ въ тогдашней общественной жизни на Украинѣ, что толки и сужденія о немъ составляли предметъ обычныхъ разговоровъ въ обществѣ. При этомъ часто возникали жаркіе споры, приводившіе къ ссорамъ и дракамъ, а иногда подобныя диспуты оканчивались даже убійствомъ. Такъ, въ актовыхъ книгахъ подъ 1643 г. встрѣчается жалоба дворянъ-католиковъ Яна и Мартыша Крентовскихъ на дворянъ Яна и Якуба Богуцкихъ о томъ, что когда братъ жалобчиковъ Николай былъ однажды въ гостяхъ въ домѣ Богуцкихъ въ с. Некрашахъ²⁾), то хозяева между прочимъ завели разговоръ о сектѣ социніанской, при чемъ они усердно хвалили ее, доказывали ея превосходство предъ католической религіей и въ неприлично-кощунственныхъ выраженіяхъ порицали послѣднюю. Крентовскій въ свою очередь старался защитить свое исповѣданіе и наконецъ, не желая слышать богохульныхъ рѣчей хозяевъ, хотѣлъ было уйти изъ дома; но тутъ споръ достигъ крайней степени горячности и неожиданно перешелъ въ ссору и драку. Хозяева схватились за сабли, крикнули на помощь своихъ слугъ и такъ жестоко избили и поранили своего гостя, что онъ черезъ недѣлю умеръ³⁾). Подобныя случаи естественно порождали въ католической средѣ извѣстное раздраженіе противъ социніанъ и давали поводъ католическому духовенству возбудить преслѣдованіе ихъ, что скоро и случилось на самомъ дѣлѣ.

Тѣмъ временемъ на помощь украинской группѣ социніанъ явился новый дѣятель, пріобрѣтшій громкую извѣстность на поприщѣ миссіонерской дѣятельности по распространенію социніанства и считавшійся однимъ изъ ученѣйшихъ представителей секты: то былъ извѣстный уже намъ Андрей Вишоватый, назначенный теперь,

¹⁾ Исторія русской церкви, митроп. Макарія, т. XI, стр. 490—491.

²⁾ Нынѣ Некраши — деревня кievскаго уѣзда, около м. Ясногородки.

³⁾ Книга гродск. житомирская 1643 г., № 16, л. 192.

по опредѣленію церковно-социніанскаго синода, главнымъ пасторомъ социніанскихъ общинъ на Украинѣ. Въ 1643 году онъ былъ на мѣсто новаго своего назначенія и первоначально поселился въ м. Шершняхъ, у Стефана Войнаровскаго. Между тѣмъ Вишоватаго давно уже звалъ къ себѣ другъ его молодости и спутникъ въ заграничномъ путешествіи, Юрій Немиричъ, и теперь нетерпѣливо желалъ видѣться съ нимъ. Въ эту минуту онъ отправлялся въ свои Орельскія имѣнія, куда пригласилъ съ собою и Вишоватаго. Переправляясь съ нимъ черезъ Днѣпръ, онъ обратился къ нему съ слѣдующими словами: „преданіе гласитъ, что соименный тебѣ св. апостоль Андрей проповѣдывалъ въ этихъ странахъ евангеліе скиѣамъ и сосѣднимъ народамъ. Иди и ты со мной въ эти страны и дѣлай тоже“¹⁾. Не извѣстно, дѣйствительно-ли Вишоватый проповѣдывалъ въ лѣвобережной Малороссіи социніанское евангеліе, но въ кievской Украинѣ онъ оставался не долго: въ слѣдующемъ же 1644 г. онъ получилъ новое назначеніе—обозрѣть социніанскія общины на Волини. Здѣсь оставался онъ до 1648 года и проживалъ попеременно въ Киселинѣ, Бересцѣ, Галичанахъ, Иванчухъ и другихъ мѣстахъ, утѣшая и ободряя своихъ единовѣрцевъ, которые именнно въ эти годы подвергались самымъ упорнымъ преслѣдованіямъ со стороны католическаго духовенства. Самъ Вишоватый однажды былъ позванъ на судъ за то, что публично совершилъ богослуженіе въ м. Рафаловкѣ, и чуть было не подвергся декрету баиниціи, т. е. изгнанія изъ отечества. Въ это же время онъ вступилъ въ бракъ съ дочерью бересецкаго социніанскаго пастора Александрой Рупневской, сестра которой была замужемъ за волинскимъ социніаниномъ Адамомъ Гулевичемъ-Воютинскимъ. Свадьба была отпразднована въ с. Галичанахъ, въ домѣ Александра Чаплича, причемъ, по словамъ біографа Вишоватаго, было совершено нѣчто въ родѣ вѣнчанья „по обычному священному обряду церкви“, изъ чего можно заключить, что у социніанъ существовалъ какой-то особый вѣнчальный обрядъ. Въ слѣдующемъ 1649 г. Вишоватый былъ назначенъ главнымъ пасторомъ въ люблинской области.

Одновременно съ удаленіемъ Вишоватаго изъ Украины для дѣлшихъ социніанъ наступила тревожная пора. Ярые католики

¹⁾ Biblioth. Antitrinitariorum, p. 236.

давно уже съ неудовольствіемъ смотрѣли на возрастающее преуспѣяніе секты на Украинѣ и съ нескрываемымъ недоброжелательствомъ относились къ главному патрону ея Юрію Немиричу. Когда въ началѣ 1640-хъ годовъ Немиричъ началъ хлопотать о представленіи ему должности кievскаго подкоморія, противъ него выступили съ открытымъ протестомъ кievскій бискупъ Александръ Соколовскій и извѣстный своею фанатическою нетерпимостью воевода кievскій и староста житомирскій Янъ Тышкевичъ и во имя интересовъ католической церкви настаивали, чтобы урядъ подкоморія не достался явному безбожнику-аріанину. Король, однако, не уважилъ ихъ настояній и предоставилъ Немиричу просимую должность, хотя послѣдній при этомъ будто-бы далъ обѣщаніе принять католичество. По существовавшимъ обычаямъ Немиричъ обязанъ былъ принести торжественную присягу на новую должность въ засѣданіи кievскаго земскаго суда; вмѣсто того онъ предпочелъ исполнить этотъ обрядъ въ Житомирѣ, въ отсутствіе старосты, во время засѣданія тамъ реляціоннаго сеймика, который состоялъ почти изъ однихъ соцініанъ и предѣдателемъ или маршалкомъ котораго былъ извѣстный Самуиль Припковскій. Сознавая себя въ обществѣ друзей, Немиричъ позволилъ себѣ при этомъ легкомысленную выходку, которая впоследствии причинила ему много хлопотъ. Когда кто-то изъ присутствовавшихъ на сеймикѣ замѣтилъ ему: какъ-же это онъ, будучи соцініаниномъ, станетъ присягать по обычной формулѣ во имя св. Тройцы?—то Немиричъ, въ слухъ цѣлаго сеймика, произнесъ будто-бы слѣдующій богохульный каламбуръ: что для достиженія своей цѣли онъ готовъ охотно поклясться не только тройкой, но хотя-бы и четверкой. Объ этомъ немедленно допесели старостѣ Тышкевичу, который тотчасъ опротестовалъ поступокъ Немирича и потребовалъ, чтобы его протестъ былъ внесенъ въ акты сеймиковые. Маршалокъ сеймика Припковскій отказался исполнить требованіе старосты. Тогда Тышкевичъ обратился съ жалобой на Немирича и на Припковскаго въ люблинскій трибуналъ¹⁾. Туда-же представилъ онъ и какое-то сочиненіе Немирича, ходившее по рукамъ на Украинѣ и заключавшее въ себѣ какія-то страшныя бого-

¹⁾ См. жалобу Тышкевича въ гродск. житомирской княгѣ 1643 г., № 16, л. 9.

хульства („скрипть блонзерства страшливого противко Пану Богу пелный“). Трибуналь отнесся къ этому дѣлу весьма серьезно и поручилъ кievскому бискупу строго разслѣдовать его. Немиричь понялъ всю опасность своего положенія и при посредствѣ своего родственника, короннаго референдарія ксендза Вацлава Лещинскаго, поспѣшилъ расположить въ свою пользу бискупа-слѣдователя: онъ удовлетворилъ какія-то давнія его претензіи и подаль ему надежду на счетъ своего перехода въ католичество. Задобренный этимъ бискупъ Соколовскій представилъ въ трибуналь и къ королю рѣшительный отзывъ въ пользу невиновности Немирича въ взводимыхъ противъ него обвиненіяхъ. Онъ совсѣмъ отвергалъ фактъ произнесенія будто-бы Немиричемъ богохульныхъ словъ о св. Троицѣ; относительно же написаннаго имъ сочиненія бискупъ высказалъ такое мнѣніе, что Немиричь составилъ это сочиненіе безъ всякаго умысла оскорбить католическую религію, а единственно съ тою цѣлью, чтобы узнать, чѣмъ могутъ быть опровергнуты со стороны католическихъ богослововъ подобныя еретическія заблужденія ¹⁾. Отзывомъ этимъ Немиричь былъ избавленъ отъ большой бѣды, къ великому неудовольствію его противника Яна Тышкевича, который не стѣснялся явно поносить бискупа за его якобы челоуѣкоугодничество и недостатокъ ревности къ славѣ Божіей. Менѣе благоприятный исходъ имѣло для Немирича другое дѣло. Одновременно съ обвиненіемъ въ богохульствѣ онъ позванъ былъ къ суду за укрывательство изгнанныхъ изъ Ракова пасторовъ и ученыхъ социнавскихъ, трехъ братьевъ Стоинскихъ, а также за устройство новыхъ социнавскихъ общинъ въ его имѣніяхъ, въ староствѣ житомирскомъ, и вообще за пропаганду ереси. Обвинителями въ этомъ дѣлѣ выступили: плебанъ житомирскій, ксендзъ Себастьянъ Жебровичъ и дворяне Николай Вышпольскій и Крыштофъ Унитовскій, но нѣтъ сомнѣнія, что главная пружина настоящаго процесса находилась въ рукахъ того же Тышкевича, старосты житомирскаго. Вмѣстѣ съ Немиричемъ были позваны къ суду и братья Стоинскіе, изъ коихъ старшій Янъ немедленно укрылся въ Ляховцахъ, гдѣ

¹⁾ См. письма къ Немиричу кievскаго бискупа Соколовскаго и референдарія Лещинскаго. — кнѣга гродск. луцкая 1643 г., № 2160, л. 533 и 535.

однако, какъ мы упоминали, онъ не миновалъ бѣды, а два другіе принуждены были искать безопасности въ иныхъ мѣстахъ. Дѣло первоначально разбиралось въ іюль 1643 г. въ кіевскомъ городскомъ судѣ, но не было здѣсь окончено и поступило на рѣшеніе люблинскаго трибунала. Въ качествѣ свидѣтелей по этому дѣлу было вызвано въ судъ болѣе сорока человекъ мѣстныхъ дворянъ, между которыми немало находилось и соцініанъ. Отъ строгости трибунальскаго суда не спасли Немирича ни могущественныя связи его въ сенатѣ и при дворѣ, ни даже личная расположенность къ нему самого короля Владислава, и въ 1646 г. Юрій Немиричъ былъ приговоренъ къ уплатѣ штрафа въ 10,000 червонцевъ и къ закрытію сектантскихъ общинъ въ своихъ имѣніяхъ¹⁾. Объ этомъ штрафтѣ польскіе диссиденты вспомнили на варшавскомъ сеймѣ 1647 года, когда жаловались правительству на претерпѣваемые ими религіозныя преслѣдованія.

Въ тоже самое время въ Варшавѣ произошло событіе, нанесшее соцініанской сектѣ въ цѣлой Польшѣ новый тяжкій ударъ. Въ началѣ 1640-хъ годовъ однимъ изъ ученѣйшихъ соцініанскихъ представителей, бывшимъ когда-то учителемъ раковской академіи, Іоной Шлихтингомъ, была издана новая символическая книга: „*Confessio fidei christianae*“, заключающая въ себѣ самое полное и точное изложеніе ученія секты, выраженное преимущественно въ текстахъ св. писанія. Соцініане многого ожидали отъ этой книги и потому разомъ издали ее на нѣсколькихъ языкахъ. Дѣйствительно, конфессія Шлихтинга имѣла большой успѣхъ и въ огромномъ числѣ экземпляровъ стала расходиться по всей Польшѣ и соблазняла многихъ. Между прочимъ, есть извѣстіе, что она сильно распространена была на Волыни и Украинѣ, „къ великой опасности для душъ христіанскихъ²⁾“. Этого не могло простить автору католическое духовенство, и въ 1647 году конфессія Шлихтинга, по опредѣленію сейма, была сожжена въ Варшавѣ публично рукою палача, а бѣжавшій за границу авторъ ея заочно приговоренъ былъ къ ли-

¹⁾ Книга гродск. житомирская 1643 г., № 16, л. 31—35 и 45—46. *Dzieje kościołow wyznania helweckiego w Małej Polsce*, p. 285.

²⁾ Свидѣтельство іезуита Николая Циховскаго, неоднократно полемизировавшаго съ Шляхтингомъ по поводу его конфессіи—*Ischer*, т. II, стр. 535.

пенію чести и конфискаціи имущества. Въмѣстѣ съ этимъ послѣдователь сеймовый декретъ о закрытіи въ цѣлой Польшѣ социніанскихъ школъ и типографій и о запрещеніи всѣхъ напечатанныхъ уже социніанскихъ сочиненій, при чемъ объявлялось, что всякій, кто будетъ уличенъ въ печатаніи, распространеніи и даже храненіи у себя подобныхъ книгъ, подвергнется изгнанію изъ государства и конфискаціи имущества¹⁾. Этотъ декретъ грозилъ социніанамъ весьма тяжкими послѣдствіями и давалъ въ руки ихъ враговъ новое страшное противъ нихъ оружіе, но на первыхъ порахъ ни на Волыни, ни въ Украинѣ дѣйствіе его не было ощутительно. Не знаемъ, было-ли исполнено въ точности Немиричемъ трибунальское постановленіе относительно закрытія социніанскихъ общинъ въ м. Черняховѣ и другихъ его имѣніяхъ; но знаемъ, что одинъ изъ Стоинскихъ (Крыштофъ) скоро снова появляется на Украинѣ и даже предпринимаетъ въ 1646 г. паѣздъ на имѣніе подстаросты житомирскаго Крыштофа Цисовскаго²⁾, а въ 1648 г. мы встрѣчаемъ его состоящимъ на службѣ у Стефана Немирича, съ которымъ онъ разъѣзжаетъ на Волыни и отнимаетъ чужія имѣнія³⁾. У самого Юрія Немирича съ 1647 г. появляется на службѣ новое лице изъ числа родственниковъ Вишоватаго, какой-то дворянинъ Венедиктъ Вишоватый⁴⁾. Очевидно, что сеймовые и трибунальскіе декреты не очень-то переположили социніанъ на Волыни и Украинѣ и они вовсе и не думали слагать оружіе. А между тѣмъ дни существованія здѣсь секты были уже сочтены, хотя этого не могли предвидѣть и сами враги ея, жаждавшіе ея гибели. Они обращали очи свои къ Варшавѣ и Люблину и ждали, что оттуда прійдетъ когда-нибудь гибель ихъ противниковъ; но она пришла совсѣмъ не оттуда и раньше, чѣмъ они надѣялись. Тамъ, на далескихъ порогахъ днѣпровскихъ да въ глухихъ селахъ и хуторахъ Украины, таилась и тлѣла искра гнѣва и мести всенародной, разомъ всных-

¹⁾ Дневникъ Стан. Освѣцка—рукописное отдѣленіе институту имени Оссолинскихъ въ Львовѣ, № 224, стр. 978—979.

²⁾ Книга гродск. житою. 1646 г., № 17, л. 226.

³⁾ Кв. гродск. лѣцкая, № 2951, л. 157.

⁴⁾ Книга гр. житою. 1650 г., № 19, л. 595.

пущая страшнымъ пожаромъ по всему лицу земли южнорусской, потрясшимъ до основанія государственное зданіе шляхетско-католической Польши. Катастрофа эта была направлена отнюдь не противъ соцініанъ, а именно противъ ихъ же враговъ; но случилось такъ, что въ пламени вызваннаго ею разгара народныхъ страстей южнорусское соцініанство нашло свое конечное аутодафе: ибо, какъ мѣтко выразился самъ вождь возставшаго тогда украинскаго народа, „при сухихъ дровахъ горять и сырыя“.

XI.

Лишь только распространилась вѣсть о поражениі поляковъ на Жовтыхъ-Водахъ и особенно подъ Корсунемъ, народное возстаніе разомъ охватило всю Украину, Волинь, Подолье и Червоную Русь и даже отозвалось въ далекой Бѣлоруссіи. Все, что находилось здѣсь не русскаго и не православнаго, или вѣрнѣе—все, что стояло въ общественномъ положеніи надъ массой народной—все это обзято было паническимъ страхомъ и бѣжало безъ оглядки въ предѣлы коренной Польши и Литвы. Южнорусскіе соцініане, наравнѣ съ дворянами другихъ исповѣданій (не исключая и православнаго), также спасались бѣгствомъ и наравнѣ съ ними же погибали отъ козацкихъ рукъ. Особенно много ихъ погибло при осадѣ и взятіи Хмельницкимъ Староконстантинова, куда укрылись было, въ числѣ другой шляхты, и соцініане, бѣжавшіе изъ Украины. Такому же разгрому подверглись и болѣе отдаленныя соцініанскія общины въ коренныхъ польскихъ областяхъ: люблинской и сандомирской, откуда въ числѣ другихъ бѣжали на границы Пруссіи и Андрей Вишоватый. Біографъ его передаетъ ходившій тогда слухъ, будто козаки съ особенною жестокостью расправлялись съ соцініанцами изъ-за ихъ вѣроисповѣднаго различія съ ними¹⁾; а одинъ изъ современныхъ изслѣдователей готовъ объяснить такое поведеніе козаковъ тѣмъ, что они видѣли въ соцініанахъ „еретиковъ - аріанъ, иконоборцевъ, нехристей“²⁾. Мы не находимъ возможнымъ ни до-

¹⁾ Cosacci... imprimis in arianos (ut audiunt) ob religionem eis in-visos saevientes. Biblioth. Antitrinit., p. 241.

²⁾ Труды кievск. дух. академіи, 1876 г., статья: «Подложное письмо полковца И. Смеры къ князю Владиміру».

пустить вѣрности передаваемого слуха, ни тѣмъ болѣе согласиться съ его объясненіемъ. То несомнѣнно, что возставшіе крестьяне и козаки не давали пощады соціаліанамъ, если послѣдніе попадались имъ въ руки; но они поступали такъ не вслѣдствіе какого-то предрасчитаннаго противъ нихъ озлобленія, а просто потому, что не отличали ихъ отъ массы другихъ польскихъ или ополченннхъ шляхтичей, каковыми большинство южнорусскихъ соціаліанъ были и на самомъ дѣлѣ. Если уже *православные* южнорусскіе дворяне бросали все и бѣжали предъ лицомъ возставшаго народа, то о другихъ и говорить нечего. Ясно, что въ сознаніи и дѣйствіяхъ тогдашней массы народной соціально-экономической мотивъ преобладалъ надъ всѣми другими; о вѣроисповѣдномъ же отличіи соціаліанской шляхты возставшіе сдѣлали даже имѣли ясное понятіе. Да и послѣдующіе соціаліанскіе писатели ни однимъ словомъ не жалуются на южнорусскихъ людей, какъ на гонителей ихъ секты и агитаторовъ народной или правительственной расправы надъ нею; напротивъ, они постоянно заступаются за православныхъ и въ войнахъ Хмельницкаго, сопровождавшихся столькими несчастіями для самихъ же соціаліанъ, видятъ справедливое отмщеніе Польшѣ за нарушение ею законовъ, попраніе гражданскихъ и религіозныхъ правъ и посягательство на свободу вѣры. Какъ бы то ни было, но всѣ соціаліанскія общины были сметены съ лица южной Руси козацкимъ движеніемъ и уже никогда болѣе не возстановлялись въ ней. Поэтому намъ остается лишь прослѣдить судьбу отдѣльныхъ лицъ изъ числа наиболѣе видныхъ представителей южнорусскаго соціаліанства. Первое мѣсто между ними должно быть отведено высоко-интересной личности кіевского подкоморія Юрія Немирича, дальнѣйшая судьба котораго не лишена извѣстнаго рода драматизма.

Когда Хмельницкій, по разбитіи польскаго ополченія подъ Пилявцами, осенью 1648 г. двинулся къ Львову и занялся осадой Замостя, южнорусскіе дворяне стали понемногу возвращаться въ свои имѣнія и занялись приведеніемъ въ извѣстность понесенныхъ ими потерь. Въ числѣ первыхъ возвратившихся былъ и Юрій Немиричъ, при которомъ мы по прежнему встрѣчаемъ, въ качествѣ его слугъ, Крыштофа Стоинскаго и Венедикта Вишоватаго. Но теперь Немиричу некогда было заниматься дѣлами секты: онъ по-

слѣбно организоваль военный отрядъ и выступилъ съ нимъ противъ козаковъ. Въ Варшавѣ разнеслись слухи, будто Немиричь соединился съ Хмельницкимъ и передалъ ему тайное порученіе отъ королевича Яна-Казимира содѣйствовать избранію его въ король, за что послѣдній обѣщаль удовлетворить требованія козаковъ; говорили даже, будто Хмельницкій сдѣлаль Немирича своимъ „наивысшимъ писаремъ“. Слухи эти интересны единственно въ томъ отношеніи, что показываютъ, какъ подозрительно относились поляки къ Немиричу за его антирелигіозныя и (какъ ниже увидимъ) республиканскія убѣжденія. Въ дѣйствительности же Немиричь усердно защищаль свое отечество и, надо думать, обнаружилъ при этомъ значительныя военныя дарованія, потому что когда въ началѣ слѣдующаго года дворяне кіевскаго и волынскаго воеводствъ собрали ополченіе съ цѣлью защиты ихъ со стороны козаковъ и взбунтовавшихся крестьянъ, то генеральнымъ полковникомъ этого ополченія единогласно былъ избранъ Немиричь; а два года спустя кіевскіе дворяне ходатайствовали на сеймѣ предъ королемъ о награжденіи Немирича, „который, по ихъ словамъ, всегда съ великой похвалою выступаль на защиту отечества и много потратилъ на то изъ своего состоянія“ ¹⁾. Но въ 1655—57 гг., когда шведы вторглись въ самую глубь королевства польскаго и заняли обѣ столицы, для Польши наступили столь тяжкія времена, что самые, по видимому, преданные сыны ея отчаивались въ спасеніи своего отечества и одинъ за другимъ переходили на сторону шведовъ, безъ боя сдавая имъ города и цѣлыя провинціи. Для протестантовъ и социніанъ, противъ которыхъ въ то время католическое духовенство поднимало толпы городской черни, разжигая въ ней фанатическій энтузіазмъ и благословляя ее на грабежъ имущества еретиковъ, не оставалось никакихъ побужденій защищать католическую Польшу и они толпами передавались шведскому королю Карлу X, ища у него защиты противъ фанатиковъ. Изъ числа южнорусскихъ социніанъ, передавшихся тогда на сторону шведовъ, сами социніанскіе писатели называютъ: на Волыни — извѣстнаго намъ киселинскаго патрона Александра Чаплича и какого-то Андрея Братков-

¹⁾ Архивъ юго-зап. Россіи, часть 2, т. I, стр. 357.

скаго, а на Украинѣ—кіевскаго подкоморія Юрія Немирича и его младшаго брата Стефана, занимавшаго въ то время должность подчашія кіевскаго ¹⁾. Вѣроятно, въ это именно время Юрій Немиричъ присоединился къ Хмельницкому, съ которымъ тогда находился въ союзническихъ отношеніяхъ шведскій король, начавшій, какъ извѣстно, по его инициативѣ войну съ поляками; по крайней мѣрѣ въ послѣдствіи сами козаки, на запросъ московскаго правительства, показывали, что Немиричъ вступилъ въ запорожское войско еще при Богданѣ Хмельницкомъ, а социаліанскіе писатели передаютъ, будто гетманъ сдѣлалъ его даже козацкимъ полковникомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что знатное имя, блестящая образованность и извѣстная опытность Немирича въ веденіи политическихъ дѣлъ сразу же доставили ему видное положенію среди козацкой старшины, окружавшей гетмана, и Хмельницкій, вѣроятно, не разъ пользовался его услугами (напр. при дипломатическихъ сношеніяхъ съ шведскимъ королемъ), за которыя онъ подтвердилъ его прежнія владѣльческія права на имѣнія въ полтавскомъ полку, по р.р. Ворсклу и Орели. Но въ болѣе видной политической роли Немиричъ выступаетъ въ гетманство преемника Хмельницкаго, Ивана Выговскаго. Еще при Хмельницкомъ среди козацкой старшины и приставшихъ къ козацкому войску православныхъ дворянъ усилилась партія автономистовъ, стремившихся къ образованію изъ Малороссіи самостоятельнаго государства. Представителемъ этой партіи, пытавшимся на дѣлѣ осуществить ея стремленія, былъ самъ Выговскій, но душой этой партіи и творцемъ ея политической программы слѣдуетъ по всей справедливости считать Юрія Немирича, бывшаго правой рукой Выговскаго. Еще въ бытность свою въ Голландіи онъ усвоилъ тамошнія республиканскія понятія, составилъ себѣ идеаль федераціоннаго союза республикъ и теперь задумалъ примѣнить его къ своему новому отечеству. Полнымъ выраженіемъ этого идеала могутъ служить условія Гадячскаго договора Выговскаго съ Польшею въ 1658 г., составленныя самимъ Немиричемъ. По смыслу этого договора, Малороссія соединялась съ Польшею на правахъ самобытнаго государства подъ названіемъ „Великаго Княжества

¹⁾ Biblioth. Antitrinitariorum. p. 291.

Русскаго“, долженствовавшаго имѣть свой верховный трибуналъ, своихъ государственныхъ сановниковъ, свое казначейство, свою монету и свое войско. Въ этомъ княжествѣ проектировались двѣ академіи съ университетскими правами—въ Кіевѣ и въ другомъ мѣстѣ, гдѣ окажется удобнымъ,—множество другихъ школъ съ свободнымъ преподаваніемъ и совершенно вольное книгопечатаніе. Со всею страстностью своей склонной къ увлеченіямъ натуры Немиричъ занялся осуществленіемъ этого грандіознаго политическаго проэкта и среди новыхъ заботъ совсѣмъ позабылъ о своихъ прежнихъ сектантскихъ увлеченіяхъ. Самъ онъ давно уже принялъ вѣру своихъ предковъ—православіе¹⁾, конечно съ цѣлю полной, такъ сказать, натурализаціи въ новомъ отечествѣ, и даже задумалъ призвать на служеніе ему прежнихъ своихъ единовѣрцевъ, тѣсныхъ тогда въ Польшѣ. Въ этихъ видахъ онъ составилъ особое воззваніе, адресованное ко всѣмъ польскимъ диссидентамъ и преимущественно къ социніанамъ, въ которомъ убѣждалъ ихъ обратиться въ лоно православной церкви, чтобы тѣмъ самымъ слиться съ вольнымъ козацкимъ пародомъ и войти въ составъ добрыхъ гражданъ „Великаго Княжества Русскаго“. Можно полагать, что это воззваніе нѣкогда знаменитаго социніанскаго дѣятеля произвело въ средѣ социніанъ сильное впечатлѣніе, если такой авторитетный между сектантами человекъ, какъ извѣстный намъ Самуилъ Пришковскій, проживавшій тогда въ Пруссіи изгнанникомъ, нашелся вынужден-

¹⁾ Память о приважденности Немирича къ социніанской сектѣ не скоро была забыта въ Малороссіи и даже перешла въ Москву, хотя уже въ извращенномъ видѣ. Въ началѣ гетманства Выговскаго, когда личность Немирича стала зачѣтно выдѣляться на политическомъ поприщѣ въ Украинѣ, московское правительство обратилось къ гетманскимъ посланцѣмъ съ запросомъ: «кто у нихъ въ войску люторъ Юрья Немиричъ, и для чего гетманъ подавалъ ему города: Кременчукъ, Переволочно, Кишеньку, Кобелякъ, Бѣлики, Санжаровъ, и сколь давно ему гетманъ тѣ города далъ, и для чего лютровъ при войску держитъ?... И посланцы говорили: есть-де у нихъ въ войску люторъ Юрья Немиричъ, а пришолъ въ войско еще при небожщкѣ при прежнемъ гетманѣ Богданѣ Хмельницкомъ, а нынѣшній гетманъ ему тѣхъ городовъ не даывалъ... а называлъ онъ тѣ города прежними своими надампыми мѣстностями и хотѣлъ о тѣхъ городахъ бить челомъ великому государю... На это послѣдовало замѣчаніе: «п гетману того лютра въ войску не держать... и говорить, чтобъ онъ его изъ войска выслалъ». Акты ю. и в. Россіи, т. VII, стр. 204—205.

нымъ обнародовать свой отвѣтъ на воззваніе Немирича¹⁾. Но послѣднему некогда было вступать въ полемику съ социніанскими богословами: весной 1659 г. онъ слѣшилъ съ козацкими послами въ Варшаву на сеймъ, созванный для подтвержденія договора Гадячскаго. Здѣсь Немиричъ произнесъ большую рѣчь, о которой социніанскій бібліографъ упоминаетъ въ числѣ другихъ его сочиненій. Договоръ былъ утвержденъ; король ласково принялъ Немирича и, по ходатайству Выговскаго, выдалъ ему привиллегію па должность канцлера „Великаго Княжества Русскаго“. Но самое-то „княжество“ оказалось блестящимъ проэктомъ, не легко осуществимымъ въ дѣйствительности: лишь только въ Малороссіи узнали о совершившемся союзѣ Выговскаго съ Польшею, народъ поднялъ возстаніе и принялся избивать стоявшіе на Украинѣ польскіе отряды. Юрій Немиричъ, начальствовавшій надъ однимъ изъ такихъ отрядовъ, хотѣлъ было усмирить толпу, но его самого окружили подъ с. Свидовцемъ (черниговск. губ., козелецк. уѣзда) и изрубили въ куски. Таковъ былъ несчастный конецъ этого во многихъ отношеніяхъ замѣчательнаго человѣка.

Изъ двухъ меньшихъ братьевъ Юрія Немирича, Владиславъ, староста овручкій, также социніанинъ, хотя и получилъ хорошее образованіе, но по своему характеру представлялъ прямую противоположность старшему брату: это былъ слабый, болѣзненный и апатичный человѣкъ, ничѣмъ не заявившій своей приверженности къ социніанской сектѣ и пріобрѣвшій извѣстность, благодаря одной безчестной продѣлкѣ съ его именемъ, какою была учинена іезуитами послѣ его кончины. Объ этой продѣлкѣ рассказываетъ извѣстный Касперъ Нѣсецкій, самъ іезуитъ, и потому его показаніе не можетъ быть заподозрѣно въ какомъ-либо пристрастіи. Дѣло происходило такъ. Владиславъ Немиричъ умеръ въ молодомъ возрастѣ, не старше 30 лѣтъ. Находясь при смерти, онъ какъ-то попалъ въ руки люблинскихъ іезуитовъ, которымъ удалось вынудить у него отреченіе отъ социніанскихъ заблужденій и согласіе принять исповѣдь и причащеніе по католическому обряду. Большой охотно исповѣдался, но долго колебался приступить къ причащенію:

¹⁾ Отвѣтъ этотъ, вышедшій разомъ на двухъ языкахъ: польскомъ и латышскомъ, упоминается въ перечнѣ сочиненій Трипковскаго. Biblioth. Antitrinitar. p. 125.

удерживали-ли его прежнія соціалскія воззрѣнія на форму причастія, или, быть можетъ, въ немъ проснулись фамиліи традиціи его православныхъ предковъ, но только онъ мучился сомнѣніемъ въ спасительности причастія подъ однимъ видомъ и предложилъ духовнику-іезуиту дать ему какое-либо ручательство въ томъ, что оно не повредитъ его душевному спасенію. Ловкій іезуитъ нисколько не затруднился исполнить требованіе больного и тотчасъ выдалъ ему слѣдующее формальное письменное удостовѣреніе: „Я Михаилъ Кисаржевскій, изъ ордена іезуитовъ, удостовѣряю симъ Божіе Величество (*divinam Majestatem*) въ томъ, что если благородный Владиславъ Немиричъ потерпитъ какой-либо ущербъ предъ судомъ Господнимъ вслѣдствіе принятія католическаго причастія подъ однимъ видомъ, одобреннаго церковью въ теченіе всѣхъ вѣковъ, то я весь этотъ ущербъ принимаю на себя и на душу свою и готовъ буду отвѣчать предъ Величествомъ Божиимъ, вмѣстѣ съ матерью моею, святою католическою и апостольскою церковью, и со всеми вѣрными. Дано въ Люблинѣ, въ іезуитской коллегіи, 11-го апрѣля 1653 г. Михаилъ Кисаржевскій“. Немиричъ не сталъ болѣе сопротивляться и, умирая, велѣлъ похоронить его съ этимъ удостовѣреніемъ въ рукахъ. „Черезъ пять дней послѣ его смерти (разсказываетъ Нѣсецкій), когда собрались спускать тѣло его въ могилу, устроенную въ нашемъ люблинскомъ костелѣ, и передъ тѣмъ открыли гробъ, то, кромѣ документа, бывшаго въ рукахъ покойника, увидѣли другой на его груди, слѣдующаго содержанія: „Я Владиславъ Немиричъ освобождаю превелебнаго Михаила Кисаржевскаго, ксендза іезуитскаго ордена, отъ обязательства, принятаго имъ на свою душу: ибо я получилъ полное удовлетвореніе, по безграничной милости Божьей, и отпущеніе мнѣ всѣхъ грѣховъ въ страшную минуту суда, вслѣдствіе неповѣди и св. причастія, принятаго мною по обряду римской церкви въ минуту моей смерти, въ чемъ удостовѣряю настоящимъ свидѣтельствомъ. Дано въ Долинѣ Покаянія, 16 апрѣля 1653 года. Владиславъ Немиричъ“. Оба эти документа, для болышій достовѣрности, явлены были въ актовныя книги люблинскаго трибунала 1653 г. ректоромъ іезуитской коллегіи, ксендзомъ Ордою ¹⁾.

¹⁾ Нѣсецкій, *Korona polska*, т. III, стр. 359.

Другой братъ Юрія, Стефанъ Немиричъ, восхваляется социніанскими писателями за ревностное покровительство севѣ почти наравнѣ съ Юріемъ. Онъ былъ совсѣмъ еще молодымъ человѣкомъ, когда на Украинѣ вспыхнуло возстаніе Хмельницкаго, и потому долгое время состоялъ подъ непосредственнымъ руководствомъ старшаго брата. Вмѣстѣ съ нимъ онъ, въ чинѣ ротмистра, участвуетъ въ 1649 г. въ защитѣ кievскихъ дворянъ со стороны возмущившагося крестьянства, вмѣстѣ съ нимъ передается на сторону псевдовъ и, кажется, по его же слѣдамъ отправляется служить войску запорожскому. Въ годъ заключенія гадячскаго договора онъ получаетъ должность кievскаго подкоморія, которую передъ тѣмъ только что оставилъ его братъ Юрій для занятія высшаго поста—банцлера „Великаго Княжества Русскаго“, и остается въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ бывшимъ гетманомъ Ив. Выговскимъ до конца жизни послѣдняго. Но въ 1664 г. Стефанъ Немиричъ предпринимаетъ одинъ шагъ, который мы отказываемся объяснить при скудости наличныхъ данныхъ: въ этомъ году онъ посылаетъ за границу, для довершенія образованія, дѣтей своихъ братьевъ—сына Юрія Θεодора и дочь Владислава Маріанну—и вслѣдъ за ними, безъ вѣдома правительства, самъ лично отправляется туда же и остается за границей довольно долгое время ¹⁾. Такъ какъ за три года передъ тѣмъ польскіе социніане подверглись поголовному изгнанію изъ Польши и въ первое время по прибытіи за границу терпѣли страшныя бѣдствія и лишенія, пока имъ удалось кое-какъ устроиться на новыхъ мѣстахъ, то не стоялъ ли въ какомъ-либо соотношеніи съ этими обстоятельствами неожиданный отъѣздъ Немирича? Нѣкоторое основаніе этому предположенію можно видѣть въ ходатайствѣ кievскихъ дворянъ на сеймѣ 1665 года о томъ, чтобы Стефанъ Немиричъ былъ прощенъ, „если въ чемъ проступилъ противъ короля“, и былъ вызванъ въ отечество ²⁾. Подъ этимъ проступкомъ Немирича прежде всего, конечно, разумѣлся самовольный выѣздъ его за-границу, а также, быть можетъ, нарушеніе имъ сеймоваго постановленія, по которому строго воспрещалось оказывать какую-бы то ни было помощь и содѣйствіе изгнаннымъ

¹⁾ Книга гродская житомярская, 1664—1666 г., № 21, л. 14 в 65.

²⁾ Тамъ-же, л. 103.

сектантамъ. Вѣроятно, ходатайство кievскихъ дворянъ было уважено, потому что скоро послѣ того мы встрѣчаемъ Стефана Немирича въ должности спачала каштеляна, а потомъ и воеводы кievскаго; но это само собою предполагаетъ его отреченіе отъ соцініанства и обращеніе въ католичество.

Изъ числа волынскихъ соцініанъ объ одномъ лишь Александрѣ Чапличѣ, владѣльцѣ Киселина, сохранились нѣкоторыя отрывочныя свѣдѣнія. Кажется, что положеніе, занятое имъ въ тревожный періодъ козацкихъ войнъ, въ общихъ чертахъ сходно съ такимъ же положеніемъ его школьнаго товарища, Юрія Немирича. Подобно ему, онъ передается на сторону шведовъ и за тѣмъ какъ-будто присоединяется къ запорожскому войску ¹⁾. Во всякомъ случаѣ присутствіе Чаплича въ войскѣ при Выговскомъ въ моментъ составленія гадячскаго договора и какое-то участіе его въ этомъ дѣлѣ—фактъ несомнѣнный. Когда на сеймѣ варшавскомъ 1659 г. шло дѣло объ утвержденіи этого договора, то въ числѣ лицъ, о награжденіи которыхъ ходатайствовалъ предъ сеймомъ Выговскій, мы находимъ имя и Александра Чаплича ²⁾.

О другихъ представителяхъ южнорусскаго соцініанства мы не находимъ въ нашихъ источникахъ никакого даже упоминанія. Очевидно, одни изъ нихъ погибли въ войнахъ козацкихъ, другіе удалились во внутреннія области Польши и Литвы, а третьи просто сошли со сцены. Такимъ образомъ войны Хмельницкаго можно считать конечнымъ періодомъ существованія соцініанской секты въ югозападной Руси. Намъ остается теперь прослѣдить послѣднюю судьбу соцініанства въ самой Польшѣ.

¹⁾ Замѣтимъ, кстати, что число южнорусскихъ дворянъ, передавшихся тогда на сторону шведовъ и затѣмъ поступившихъ на службу къ Хмельницкому, было очень велико, если составители гадячскаго договора нашли нужнымъ въ дополнителныя къ нему статьи внести слѣдующій параграфъ: «Всѣ уголовныя приговоры, взысканія, баниціи и процессы, на чемъ-бы они ни остановились и какому-бы ни подлежали суду, должны быть сняты съ тѣхъ, которые *служили у Шведа, а потомъ въ войскѣ запорожскомъ*». (Памяти. кievск. комм. т. III, отд. 3, стр. 326). Изъ числа такихъ лицъ, кромѣ уже поименованныхъ, намъ извѣстны: бывший коморникъ черниговскій Проклѣ Верещака и хорунжій черниговскій Гавриіаль Гулевичъ (кальвинистъ).

²⁾ Памяти. кievск. коммисіи, т. III, отд. 3, стр. 328.

XII.

Эпоха войнъ козацкихъ была годиною бѣдствій не для однихъ южнорусскихъ соціанъ, но также и для ихъ польскихъ собратьевъ, и не потому только, что козацкіе отряды, врываясь въ Польшу, изгоняли или истребляли ихъ наравнѣ съ остальной шляхтой, но и по другимъ причинамъ. Страшныя политическія бѣдствія, постигшія тогда Польшу со стороны шведскаго, русскаго и козацкаго оружія, возбудили въ ея населеніи религіозно-патріотическое воодушевленіе, которымъ клерикалы воспользовались для своихъ цѣлей. Они открыто проповѣдывали, что персть Божій наказываетъ ихъ отечество за недостатокъ ревности къ интересамъ католической церкви и преступную поблажку ея врагамъ—еретикамъ: протестантамъ и аріанамъ, которыхъ они старались выставить въ глазахъ населенія измѣнниками и предателями отечества, въ тайнѣ сочувствующими его непріятелямъ—шведамъ, подобнымъ имъ еретикамъ, и во имя интересовъ церкви и отечества вопіяли объ ихъ истребленіи. Тогда для польскихъ диссидентовъ наступили дни плача и гнѣва Божія. Имъ запрещали отправлять богослуженіе, собирать съѣзды или соборы, содержать школы и печатать книги; со всѣхъ сторонъ осыпали ихъ доносами и по всякому, хотя-бы завѣдомо ложному, извѣту звали въ трибуналы, которые знатныхъ шляхтичей присуждали къ тяжкимъ денежнымъ штрафамъ, а лицъ неблагородныхъ сословіи казнили смертію. Въ Польшѣ возобновились мрачныя времена испанской инквизиціи и цѣлыя сотни еретиковъ погибли тогда на кострахъ¹⁾. Ксендзы, съ ротами жолнеровъ, разѣзжали по селамъ, грабили и отнимали имѣнія диссидентовъ, хватали ихъ самихъ, разрушали ихъ храмы, оскорбляли святыни, выбрасывали на поруганіе тѣла покойниковъ и во имя Божіе призывали простой народъ грабить и убивать еретиковъ, выставляя всякое направленное противъ нихъ насиліе благочестивымъ подвигомъ, имѣющимъ умиловити гнѣвъ Божій, постигшій отечество. Король и болѣе благоразумные представители власти были безсильны остановить эти разнузданные порывы фанатическаго умоизступленія,

¹⁾ Łukaszewicz I., Dzieje kościołów wyznania helweckiego w Małej Polsce, p. 286—287.

такъ какъ клерикальная партія имѣла сильную поддержку въ католической Австріи, у которой тогда заискивало польское правительство. Въ особенности сильно пострадали въ то время социніане, съ которыми клерикалы церемонились еще менѣе, нежели съ протестантами. Біографъ Вишоватаго не находитъ словъ для выраженія своей скорби и ужаса при воспоминаніи бѣдствій, какимъ подверглись въ 1655—56 гг. социніанскія общины въ краковской области, когда толпы поселянъ, вооруженныхъ косами, топорами и пиками, подъ предводительствомъ ксендзовъ, расхаживали изъ одного мѣста въ другое, грабили и разрушали дома и молебни социніанъ, убивали или жгли ихъ самихъ, не щадя ни женщинъ, ни даже дѣтей, и жестокими казнями принуждали ихъ къ отреченію отъ ескты и принятію католичества. Самъ Вишоватый вынужденъ былъ спастись бѣгствомъ и, явившись въ Краковъ, обратился къ шведскому генералу съ просьбой о защитѣ его единовѣрцевъ ¹⁾.

Не довольствуясь этими гоненіями, польскіе клерикалы, особенно іезуиты, пользуясь благопріятнымъ для нихъ настроеніемъ властей и общества, задумали совѣмъ покончить съ социніанскою сектою. Они откопали забытый всѣми статутъ короля Владислава-Ягелла 1424 года, заключавшій въ себѣ постановленіе объ изгнаніи изъ предѣловъ Польши еретиковъ-гусситовъ, и въ 1658 году предъявили на сеймѣ требованіе, чтобы дѣйствіе этого статута было примѣнено къ социніанамъ; требованіе это они основывали на обвиненіи ихъ въ измѣнѣ отечеству и передачѣ на сторону шведовъ во время недавняго занятія послѣдними королевства польскаго. Хотя въ такомъ предательствѣ социніане повинны были ничуть не больше, нежели протестантскіе и даже весьма многіе католическіе напы, сдававшіе шведамъ укрѣпленные города и цѣлыя области, но пужно было, чтобы кто-нибудь одинъ понесъ наказаніе за грѣхи многихъ, и роль такой очистительной жертвы пала на долю социніанъ. Какъ ни чудовищно было требованіе клерикаловъ, оно не встрѣтило, однако, на сеймѣ почти никакого сопротивленія: всегдашніе союзники социніанъ.—протестанты и другіе диссиденты, видя настроеніе большинства, теперь сами дрожали за свою судьбу и не смѣли откры-

¹⁾ Bibliotheca Antitrinitariorum, p. 244—246.

то вступить за нихъ, опасаясь подвергнуться той же участи. Затѣмъ послѣдовала сеймовая конституція, въ которой объявлялось, что всякій, о комъ будетъ дознано, что онъ исповѣдуетъ, или распространяетъ ученіе арианской секты и вообще какимъ-бы то ни было образомъ покровительствуетъ ей въ предѣлахъ Польши, Литвы и соединенныхъ съ ними земель и областей, долженъ быть предаваемъ суду и затѣмъ смертной казни, подъ угрозой отнятія должностей у тѣхъ урядниковъ, которые недостаточно ревностно стануть исполнять это постановленіе. Но, продолжаетъ декретъ, изъ милосердія къ тѣмъ, которые стануть упорствовать въ своихъ заблужденіяхъ и не захотятъ добровольно присоединиться къ католической церкви, дается имъ трехлѣтній срокъ, въ теченіе котораго они могутъ распорядиться своимъ имуществомъ, и затѣмъ должны оставить предѣлы государства; но и въ это время они не имѣютъ права отправлять своихъ сектантскихъ службъ, ни занимать какихъ-либо должностей общественныхъ, по истеченіи же льготнаго срока всякій изъ еретиковъ, кто окажется въ Польшѣ, подпадетъ силѣ декрета ¹⁾.

Сектанты впали въ уныніе. Болѣе малодушные изъ нихъ начали обращаться въ католичество, но много было и такихъ, которые любовь къ родинѣ принесли въ жертву своимъ убѣжденіямъ и стали готовиться къ изгнанничеству. Лишенные права открыто собираться, чтобы обсудить свое ужасное положеніе, они, на подобіе первенствующихъ христіанъ, стали устраивать тайныя, ночныя собранія, на которыхъ совершали молитвы и обрядъ преломленія хлѣба, взаимно ободряли себя и утѣшали въ общемъ горѣ и помогали другъ другу. Но католическіе ксендзы зорко слѣдили за подобными собраніями и доносили о нихъ властямъ; тогда социніанъ хватили, сажали въ тюрьмы и предавали казнямъ. Между тѣмъ іезуиты, пользуясь беззащитнымъ положеніемъ сектантовъ, громили ихъ въ проповѣдяхъ и полемическихъ сочиненіяхъ и безнаказанно клеветали на нихъ. Социніане захотѣли еще одинъ, послѣдній разъ сразиться съ своими противниками и въ 1660 г. обратились къ краковскому бискупу за разрѣшеніемъ устроить диспутъ съ католическими богословами. Имъ это было позволено, а одинъ знатный

¹⁾ Volumina Legum, IV, f. 515.

католикъ предоставилъ для диспута свой обширный замокъ. Со стороны католиковъ диспутантами выступили нѣсколько наиболѣе извѣстныхъ своею ученостію іезуитовъ, а со стороны социніанъ—одинъ Вишоватый. Диспутъ длился въ теченіе пяти дней. Вишоватый, по словамъ его біографа, съ такою силою и искусствомъ отстаивалъ свои мнѣнія противъ нѣсколькихъ противниковъ, что сами католики, присутствовавшіе на диспутѣ, выразили ему свое сочувствіе, а одинъ изъ спорившихъ съ нимъ іезуитовъ будто бы выразился, что если бы и всѣ сектантскіе богословы вышли изъ ада, то не могли бы защищать свою вѣру сильнѣе того, какъ защищалъ ее одинъ Вишоватый ¹⁾).

Между тѣмъ предоставленный социніанамъ для устройства ихъ частныхъ дѣлъ трехлѣтній срокъ, по проискамъ іезуитовъ, неожиданно былъ сокращенъ на годъ и 10-е іюля 1660 г. объявлено послѣднимъ днемъ пребыванія ихъ въ Польшѣ. Мѣра эта была рассчитана на то, чтобы тѣхъ изъ социніанъ, которые владѣли имѣніями и, слѣдовательно, нуждались въ болѣе продолжительномъ срокѣ для продажи своего имущества и взыскапія долговъ, поставить въ особенно затруднительное положеніе и тѣмъ понудить ихъ къ отреченію отъ сектантства. Напрасно социніане протестовали противъ новой несправедливости и нарушенія королевскаго слова: если одни изъ католиковъ сожалѣли о нихъ, то другіе радовались ихъ несчастію—по фанатизму, или изъ расчета воспользоваться добромъ изгнанниковъ. Послѣдовали новыя отреченія отъ секты, оставшіеся же вѣрными ей стали поспѣшно и за безцѣнокъ распродавать свои имущества и готовиться въ далекій и невѣдомый путь. И потянулись одинъ за другимъ несчастные изгнанники изъ своей суровой отчизны искать пріюта въ чужихъ краяхъ: въ Венгріи, Трансильваніи, Силезіи, сѣверной Германіи, Пруссіи, Голландіи и Англіи. На пути имъ приходилось испытывать новыя бѣдствія; такъ, напр., партія, направлявшаяся въ Венгрію, была, по внушеніямъ изъ Польши, совершенно ограблена цесарскими солдатами. Всюду, куда ни появлялись изгнанники, клевета враговъ предшествовала имъ на каждомъ шагѣ, и потому худо приняли ихъ въ большей части европейскихъ странъ; только въ Венгріи и Тран-

1) Всѣ эти обстоятельства взяты нами изъ біографіи Вишоватаго, помѣщенной въ сочин. Сауда: *Biblioth. Antitrinitariorum*.

Сильваніи, гдѣ издавна существовали ихъ единовѣрцы, а равно въ Пруссіи и особенно въ Голландіи, игравшей тогда роль современной Швейцаріи, социціане нашли спокойное убѣжище. Въ Амстердамѣ ослѣлись преимущественно главные вожди и ученые социціанскіе и прозвали этотъ городъ *мѣстомъ упокоенія*, которое избралъ Богъ для вѣрныхъ своихъ. Съ тѣхъ поръ Амстердамъ, вмѣстѣ съ Бладіополемъ въ Трансильваніи, становятся главными центрами разсѣянныхъ на чужбинѣ социціанъ.

Изложеніе дальнѣйшей исторіи социціанства выходитъ изъ предѣловъ нашей задачи и потому мы ограничимся краткимъ указаніемъ на главнѣйшія черты дѣятельности собственно польскихъ изгнанниковъ.

Разсѣянные по разнымъ странамъ Европы, польскіе социціане долгое время стараются поддерживать тѣсную связь и взаимныя сношенія между отдѣльными группами своихъ единовѣрцевъ. Въ этихъ видахъ главные вожди секты постоянно страдаютъ изъ одного мѣста въ другое, устраиваютъ частыя сѣзды или соборы, рассылаютъ окружныя посланія, ободряютъ и утѣшаютъ своихъ товарищей по вѣрѣ и несчастіямъ и оказываютъ имъ всякаго рода помощь и защиту. Въ тоже время они стараются сблизиться съ населеніемъ тѣхъ странъ, въ коихъ нашли убѣжище, знакомятся съ его языкомъ и учрежденіями и всѣми мѣрами стараются заручиться расположеніемъ мѣстныхъ правителей на пользу своимъ соотечественникамъ. Оторванные отъ родной почвы и поглощенные заботами о самосохраненіи, они уже не задаются широкими планами новой пропаганды секты и сосредоточиваютъ все лучшія силы свои на единственной, вполне доступной для нихъ, сферѣ дѣятельности—литературной. Дѣйствительно, время изгнанничества социціанъ было періодомъ высшаго процвѣтанія и обогащенія социціанской литературы, на поприщѣ которой въ это время подвизались талантливѣйшіе представители секты, каковы: Андрей Вишоватый, Самуиль Прицковскій, бывшій киселинскій пасторъ Якубъ Гриневичъ-Трембицкій, братья Христофоръ и Станиславъ Любенецкіе и многіе другіе ¹⁾. Центромъ литературно-издательской дѣятельности и

¹⁾ Социціанскій библиографъ Салвъ насчитываетъ около 30 имевъ ученыхъ: поляковъ, вѣнцевъ, веперцевъ, англичанъ, голландцевъ и др., подвизавшихся на

ихъ была избрана свободная Голландія, въ которой преимущественно осѣлись ученые вожди секты и въ которой они находили наибольшій просторъ для своей дѣятельности. Характеромъ времени опредѣлялись и главные задачи тогдашнихъ социніанскихъ писателей. Преимущественное вниманіе ихъ было обращено на разработку исторіи секты, уясненіе ея отношеній къ другимъ христіанскимъ исповѣданіямъ и указаніе на ея заслуги для общества и государства польскаго. На ряду съ капитальными изслѣдованіями въ этой области, была предпринята кропотливая работа по собиранію памятниковъ и преданій всей прошлой жизни секты, свѣдѣній о дѣятельности главныхъ учителей ея, пасторовъ и писателей, съ перечлемъ всѣхъ печатныхъ и рукописныхъ ихъ сочиненій, и т. под. Еще болѣею потребностью сознавали социніане въ защитѣ себя отъ того позора, какимъ покрывалъ ихъ фактъ изгнанія изъ отечества, и тѣхъ обвиненій, какимъ подвергались они со стороны своихъ враговъ. Отсюда—преобладаніе въ ихъ тогдашней литературѣ полемическихъ и апологическихъ сочиненій, въ которыхъ социніане стараются оправдать себя какъ сектантовъ и какъ гражданъ, показать всю несправедливость обрушившихся на нихъ преслѣдованій и вызвать участіе къ постигшимъ ихъ несчастіямъ. Часто такая защита выражалась въ формѣ воззваній и писемъ, обращенныхъ къ вѣрнымъ соотечественникамъ, съ горькими упреками въ забвеніи и нарушеніи ими старинныхъ завѣтовъ польской свободы и вѣротерпимости и съ горячей мольбой подумать о будущей судьбѣ ихъ отечества и не поддаваться внушеніямъ партіи фанатиковъ, которые готовы ввести въ Польшу испанскую инквизицію и австрійскій деспотизмъ, поцараютъ ея стародавніе обычаи и законы и тѣмъ ведутъ ее къ вѣрной гибели. Наконецъ, кромѣ историческихъ и

поприщѣ социніанской литературы въ указанный періодъ. Мы поясняли только болѣе извѣстныхъ изъ числа польскихъ социніанъ—изгнанниковъ. Прибавимъ, что многіе изъ нихъ, кромѣ богословскихъ, историческихъ и др. сочиненій, относящихся къ социніанству, оставляя послѣ себя замѣчательныя научныя изслѣдованія въ области философіи, права и естествознанія. Таковъ, напр. былъ названный нами Станиславъ Любенецкій, издавшій въ 1667 г. въ Амстердамѣ капитальное изслѣдованіе о кометахъ (*Theatrum Cometicum*) въ 3-хъ частяхъ и посвятившій его Фридриху III, королю Даніи и Норвегіи.

апологическихъ сочиненій, социніане и въ этотъ періодъ не прекращали догматической разработки своей доктрины и издали не мало новыхъ богословскихъ трактатовъ. Эта оживленная литературная дѣятельность ихъ не прекращалась до конца XVII в. и, хотя съ меньшей энергіей, продолжалась даже въ слѣдующемъ столѣтіи. Достойно замѣчанія, что послѣднимъ по времени въ ряду извѣстныхъ намъ социніанскихъ писателей является какой-то Д. *Немиричъ*, по всей вѣроятности потомокъ южнорусскихъ пановъ Немиричей. Въ 1695 г. онъ напечаталъ гдѣ-то въ Германіи книгу на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „La Verité et la Religion en visite chez les theologiens en y cherchant leur filles la Charité et la Tolérance“, въ которой старался доказать, что эти высшія христіанскія добродѣтели преимущественно присущи послѣдователямъ социніанскаго ученія ¹⁾.

Разбросанные небольшими группами по разнымъ мѣстамъ Европы, польскіе социніане, очевидно, не долго сохранили свои національныя особенности и скоро смѣшались съ другими національностями. Объ этомъ можно заключить изъ того, что, напр., въ Голландіи, гдѣ ихъ поселилось особенно много, послѣднее *польское* изданіе Новаго Завѣта было всего лишь въ 1680 г., то есть при жизни еще перваго поколѣнія изгнанниковъ. Долѣе всего сохранили свою національность тѣ изъ польскихъ социніанъ, которые поселились вблизи границъ своего бывшаго отечества. Имѣются любопытныя свѣдѣнія о судьбѣ двухъ социніанскихъ поселковъ: Рутова и Андреасвальде, основанныхъ польскими изгнанниками въ восточной Пруссіи, близъ границъ Польши. Не смотря на постигшія ихъ въ концѣ XVII ст. преслѣдованія, жители этихъ двухъ общинъ удержали свою вѣру и народность до временъ Фридриха II, который въ 1779 г. далъ имъ позволеніе на постройку храма. Но вполнѣдствіи эти общины стали постепенно уменьшаться въ своемъ населеніи, пока около 1803 года одна изъ нихъ, Андреасвальде, разоплась совсѣмъ, не оставивъ по себѣ никакого слѣда; въ другой же еще въ 1838 году живы были два послѣдніе моги-

¹⁾ *Obraz bibliograficzno-historyczny literatury i nauk w Polsce*, A. Jochera, t. II, p. 304 и 582.

ваны социніанской секты въ Пруссіи, — оба очень старыя и оба хорошо сознававшіе свою принадлежность къ польской національности. Остальные ихъ земляки, и въ томъ числѣ родные обоихъ старцевъ, всѣ уже были протестантами¹⁾.

Что касается дальнѣйшей судьбы социніанства вообще, то изложеніе ея составляетъ предметъ общей исторіи религіозныхъ сектъ въ Европѣ. Для нашей цѣли достаточно указать, что, не смотря на повсемѣстные преслѣдованія въ XVII и XVIII в., социніанская доктрина отнюдь не подверглась забвенію и тѣмъ паче насильственному истребленію: отчасти она сохранилась въ чистомъ видѣ своемъ до нашихъ дней, отчасти послужила матеріаломъ для выработки новыхъ философскихъ и религіозныхъ системъ и ученій. Въ Европѣ социніанство и до сихъ поръ продолжаетъ свое существованіе въ одномъ религіозномъ обществѣ въ Трансильваніи, члены котораго удержали старинное названіе *унитаріеог*. Не смотря на свою малочисленность, трапезьвальскіе унитаріи признаются государственными законами Австріи въ равныхъ правахъ съ другими христіанскими исповѣданіями и имѣютъ своего суперъ-интендента, мѣстопробываніемъ котораго служитъ г. Клаузенбургъ. Кромѣ того въ Америкѣ въ настоящее время насчитывается болѣе полумилліона лицъ, принадлежащихъ къ различнымъ религіознымъ обществамъ, исповѣдующимъ основныя положенія антитринитаризма. Съ другой стороны, тѣже идеи социніанства, подвершись дальнѣйшей философской разработкѣ, привели многихъ къ *деизму* и особенно къ *раціонализму*²⁾. Наконецъ многія стороны ученія социніанскаго были приняты нѣкоторыми прежними и вновь образовавшимися религіозными сектами, какъ напр. шведенборгіанами, менонитами, а чрезъ нихъ и нашими штундистами.

Въ заключеніе прибавимъ нѣсколько общихъ замѣчаній о предметѣ нашего изслѣдованія. Исторія почти столѣтняго существо-

¹⁾ Башискій и Липпискій: *Starożytna Polska*, т. III, стр. 232.

²⁾ Въ Англіи въ прошломъ столѣтіи социніанство приобрѣло наибольшую силу вмѣстѣ съ распространеніемъ здѣсь деизма; а въ Германіи социніанскія идеи пользовались наибольшою расположенностью среди представителей раціоналистической школы.

ванія соцініанской секты въ Польшѣ и югозападной Руси представляеть съ одной стороны рядъ дѣйствій, запечатлѣнныхъ характеромъ искренняго воодушевленія, смѣлости и несокрушимой энергіи и твердой увѣренности въ правотѣ своего дѣла, а съ другой—рядъ неудачъ и горькихъ разочарованій, упорной борьбы и тяжкихъ преслѣдованій, разрѣшившихся наконецъ страшной катастрофой. Въ основѣ этихъ дѣйствій лежитъ религіозная доктрина, возникшая въ кружкѣ передовыхъ европейскихъ умовъ, боровшихся за права человѣческаго разума въ области вѣры противъ принужденій внѣшняго авторитета. Представляя для своего времени очень смѣлое проявленіе критической мысли въ области религіи, доктрина эта естественно приходится не по плечу для большинства тогдашняго общества и потому находить своихъ послѣдователей лишь въ образованныхъ слояхъ его. Въ этой исторіи происхожденія соцініанства кроется источникъ его силы и вмѣстѣ слабости, причина его успѣховъ и неудачъ. Сила соцініанства заключалась главнымъ образомъ въ его культурномъ вліяніи; въ немъ же и главная заслуга его для современныхъ ему обществъ въ Польшѣ и южной Руси. Соцініанство выступало всегда съ характеромъ просвѣтительнаго движенія, въ союзѣ съ наукой и образованіемъ, и лучшими средствами пропаганды считало устройство школъ, заведеніе типографій и литературную дѣятельность; эта черта не осталась незамѣченной со стороны лучшихъ людей того времени, хотя и принадлежавшихъ къ другимъ исповѣданіямъ, въ родѣ напр. Константина Острожскаго, Романа Гойскаго и другихъ, и справедливо вызывала ихъ симпатіи къ соцініанской сектѣ. Далѣе, соцініанство громко провозглашало принципы свободы мнѣній, вѣротерпимости и уваженія къ чужимъ убѣжденіямъ и всегда горячо протестовало противъ религіозной нетерпимости и исключительности католиковъ и отчасти самихъ протестантовъ. Наконецъ оно являлось проповѣдникомъ высшихъ началъ гуманности, когда внушало своимъ послѣдователямъ отвращеніе къ войнѣ и отвергало безусловно право смертной казни. Но, при всей симпатичности многихъ сторонъ своего ученія и дѣятельности, соцініанство имѣло и много важныхъ недостатковъ, больше всего препятствовавшихъ его успѣхамъ. Возникшее первоначально изъ критики римской системы вѣроученія, соцініанство вынуждено было сосредото-

точиться преимущественно на разработкѣ догматической стороны своего ученія, вслѣдствіе чего въ немъ всегда преобладала нѣкоторая теоретичность и отвлеченно-философскій элементъ; что же касается элемента нравственнаго, безъ котораго всякая религія перестаетъ быть религіей, а становится философскою теоріей или системою, то онъ вообще былъ слабо разработанъ въ соцініанскомъ вѣроученіи, что лишило его надлежащей жизненности. Многія нравственныя положенія, имѣвшія ближайшее отношеніе къ практическимъ вопросамъ жизни и логически вытекавшія изъ цѣлой системы соцініанскаго вѣроученія, не были развиты до конца, какъ кажется, по недостатку необходимой доли смѣлости; для примѣра укажемъ на то, какъ соцініане старательно обходили молчаніемъ поднятый было въ ихъ средѣ вопросъ о тогдашнемъ социальномъ неравенствѣ и правѣ имѣть крестьянъ, логическое рѣшеніе котораго устратило ихъ богослововъ, тогда какъ, будь это рѣшеніе громко провозглашено, секта несомнѣнно привлекла-бы къ себѣ взоры и симпатіи милліоновъ рабовъ, стонавшихъ тогда подъ тяжестью помещичьяго и арендаторскаго произвола. Но въ томъ именно и заключался главный и коренной недостатокъ соцініанства, что оно почти совсѣмъ игнорировало народныя массы и, за малыми исключеніями, всегда и вездѣ оставалось преимущественно дворянскою религіей. Въ особенности это должно сказать о южнорусскихъ соцініанахъ, контингентъ которыхъ почти исключительно состоялъ изъ шляхтичей, по большей части не употреблявшихъ даже языка своего народа. Если первые послѣдователи соцініанской секты въ южной и западной Руси заботились еще объ изданіи для простаго народа сектальскихъ книгъ (Будный) и даже о переводѣ на народный языкъ Новаго Завѣта (Негалева), то слѣдовавшее за ними поколѣніе, воспитанное въ польско-латинскихъ соцініанскихъ школахъ, вполне является носителемъ польской цивилизаціи и даже гнушается рѣчью своего народа. Мы не знаемъ, на какомъ языкѣ слушали соцініанскую проповѣдь и богослуженіе киселинскіе мѣщане и крестьяне Юрія Чаплича, совращенные имъ въ секту, но то достоверно извѣстно, что знаменитый Юрій Немирчъ большую часть своихъ сочиненій и въ томъ числѣ молитвы и гимны, вѣроятно употреблявшіяся при богослуженіи въ украинскихъ соцініанскихъ общинахъ, писалъ на *польскомъ* языкѣ, а не на южнорусскомъ, какъ

можно было-бы ожидать отъ украинскаго патрона секты. Въ этой оторванности социніанства отъ народной массы, въ этомъ пренебреженіи къ ея интересамъ заключалась причина беспочвенности социніанской секты, при которой она всегда могла подвергнуться гибели. Можно-ли удивляться тому, что южнорусскій народъ, во время возстанія при Хмельницкомъ, не различалъ социніанъ отъ ихъ враговъ—католиковъ и наравнѣ съ послѣдними предавалъ ихъ истребленію? Протестантскія общины въ южной и западной Руси, по видимому, были устроены прочтѣ социніанскихъ, а между тѣмъ и онѣ народнымъ движеніемъ были смтены съ лица земли, подобно социніанскимъ, ибо не имѣли корней въ народной почвѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что катастрофа, постигшая польскихъ социніанъ въ 1658 году, была-бы не возможна, еслибы они ближе стояли къ народной жизни и не гнушались ея интересами. А то, при своей беспочвенности, польское социніанство (пользуемся евангельскимъ сравненіемъ) было подобно красивому зданію, построенному на пескѣ. Начались дожди, и потекли воды, и унесли зданіе въ море на жертву бурямъ и непогодамъ, и не осталось слѣда тамъ, гдѣ еще такъ недавно оно горделиво высило свою главу. Такъ и должно было случиться: ибо только то и долговѣчно въ исторіи, что создается на основѣ народныхъ интересовъ.

Орестъ Левицкій.
